

Книга как социальный интегратор в обществе информационных технологий

Печатная книга, благодаря использованию алфавита и массовому тиражированию, стала технологией, преобразовавшей сознание человека, сделавшей его индивидуалистическим. Печатная книга изменила общую структуру чувственности, выделив зрение как приоритетный канал для получения информации – чтения, сформировала визуально ориентированную коммуникацию, которой свойственно непрерывность, однородность и связность. Изменение типа восприятия обеспечило упорядочение и стабилизацию языка, появление национального самосознания, становление рыночных отношений и права, определило характер открытий в науке и развития искусства. И если мы принимаем точку зрения Г.М. Маклюэна, и рассматриваем историю цивилизации как смену ведущих средств коммуникации, эволюция которых сопряжена с изменениями культуры и всего общества, то мы должны понимать, что _находимся в точке трансформации, так как распространение электронных технологий вновь меняет наше восприятие.

Телевидение, и в большей степени ИНТЕРНЕТ превратили мир «в глобальную деревню», в этом информационном пространстве «ничего нельзя скрыть и все ответственны за всё» [Маклюэн, С. 18]. Изменение технологии передачи информации вновь, но, на другом уровне, возвращает нас в многомерное, мозаичное, одномоментное коллективное пространство, более свойственное человеку, но более сиюминутное, конъюнктурное, взрывоопасное, чем книжное. Меняется восприятие, правила, структуры, самосознание, складывается новый тип культуры и общества. Общепризнанного определения информационного общества пока не существует. Однако все разнообразие подходов (Ф. Махлуп, Ю.Хаяши, Л.Г. Ионин, А.Д. Урсул, Р.И. Цвылев и др.) выстраивается по схеме: возрастающее количество информации и знаний. Однако философ И.Ю. Алексеева считает, что окружающую нас действительность точнее именовать

информационно-технологическим обществом, поскольку информационные технологии – это единственная несомненная ценность нашего времени (С.23-24).

Находясь на технологическом изломе цивилизации современному обществу приходится пересматривать свое отношение, как к старым источникам информации, так и к появлению новых, а также их сосуществованию. Развитие законодательства в сфере информационного пользования свидетельствует как о развитии данной сферы, так и о нарастании противоречий (Федеральные законы «Об авторском праве», «О средствах массовой информации», «Об информации, информатизации и защите информации», «О библиотечном деле» и др.

В «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации» (2000г.) сфера духовной жизни, нравственные ценности являются основными объектами обеспечения информационной безопасности. Тревожным показателем кризиса духовной жизни современного общества является кич, в современном понимании «... произведение искусства, в котором художественные ценности в значительной мере подменяются или вытесняются спекулятивными, утилитарными, прагматическими» [Власов]. Кич одновременно является и результатом, и проявлением массовой культуры. Особого типа явлением, сложившимся «в посткультурном» пространстве цивилизации второй половины XX века. Массовая культура «определяется как духовная общность постиндустриального общества, адресованная людям разного воспитания, образования, различных этнических и духовных традиций. Она ориентирована на средние слои неискушенного, нетребовательного зрителя. Не тонкого ценителя искусства – эстета и меломана, а так сказать, зрителя – дилетанта, сталкивающегося с искусством сравнительно редко, но считающего себя его ценителем. Массовая культура дитя массовых коммуникаций - радио, телевидения, а позднее ИНТЕРНЕТа. Массовая культура проста, адресованная миллионам

как «семиотический образ реальности, она не претендует на сложные обобщения и философские

осмысления»[Мировое иск.], более того с наглостью нувориша она противостоит не только элитарной культуре знатоков и ценителей, но часто враждебна искусству авангарда и модернизму в целом. Она заменяет миллионам традиционное народное искусство. Будучи лишенной глубокой структуры, логики это явление вытесняет в сознании типичного обывателя отшлифованные веками формы, образы и традиции народного искусства, не только обедняет внутренний, духовный мир человека, но и полностью нивелирует его, превращая в безликую статистическую единицу. Эта единица удобна властям, ею легко манипулировать, она беспринципно склонна к компромиссам. Она - то социальное «ничто», которое является гарантом благополучия власти вообще, и тоталитарной особенно.» [Яо]

В многочисленных исследованиях в том числе, проведенных нами, половина опрошенных из числа молодежной аудитории считают, что «чтение отходит на второй план, уступив место телевидению и компьютеру, другим техническим средствам». [Монография кафедр.] Итак, основной эволюционный инструмент – книга и сам процесс чтения претерпевает кризис. В оценке Н.Н. Семеновой, основная человеческая ценность – это знание, информация сама по себе – это ценность первого, не самого высокого, уровня. Для того чтобы получить собственно знание о мире нужно переработать большой объем информации и обладать мышлением (С.37), и до сих пор это делалось с помощью книг.

Чтение является инструментом развития самого человека, влияя на его интеллект и нравственную организацию. В современном мире одновременно существует две тенденции: с одной стороны, сужается поле чтения, прежде всеобъемлющее, чтение превращается только в один, причем не самый значимый, источник информации. Со временем эта практика, требующая самоуглубленной работы, все более отдаляется от таких спаянных письменных сообществ, какими долгое время были семья, круг друзей,

ученые собрания. С другой стороны, развивается философское осмысление «мира как текста», образа мира как книги (С.79 ЛанкинГриг) и это сообщает чтению статус процесса, объединяющего различные коды познания. Всеохватность понятия книги, невозможность точного ее определения иллюстрирует высказывание о ней Д.С. Лихачева: «Книга это и есть все. Она как бы отражает большой мир, все представления человека о мире».

Чтение плотно вписывается в контекст межличностных отношений человека. Интерес к книгам поддерживает эти отношения, но и сам воспроизводится и поддерживается ими (ДубинЗорк С.75). В мире, где чтение стало осуществляться с личным, частным отношением к книге, необходимо все больше поводов, позволяющих высказывать свое мнение о письменном наследии (С.5 Леонов Связь).

Объем функционирующей информации не равен объему знания, так как существует много сведений, которые не только не несут прироста полезного знания, но и «загрязняют» культурную среду. Средства коммуникации, транслирующие, оперирующие, трансформирующие, дозирующие информацию осуществляют информационное управление обществом (С.89 ЛанкинГриг). Только книга обеспечивает человеку самостоятельную духовную жизнь, автономную от «организованной» жизни общества.

Переход от мозаичной к персонализованно-творческой культуре предполагает активное использование личностью и сообществом книги как «памяти мира». На основе свободного выбора человек благодаря «памяти мира» (А. Моль ввел понятие «книжная стена») можно персонализировать свою индивидуальную культуру, придать ей личный характер. Под воздействием чтения накапливаются заповеди личного мира человека. Известный культуролог и философ Г. Померанц считает, что именно книги выстроили его внутренний мир: «Мне нужна была именно такая литература, которая помогает его выстроить, чтобы не поддаваться первому впечатлению от всякой ерунды. У Шекспира в «Гамлете» я нашел слова, которые легли в

основу моего внутреннего мира: «Вы можете меня расстроить, но играть на мне...» ()).

Как текст, не способный к саморазвитию, книга не имеет конкурентов в обеспечении свободы осмысления (С.82 Ланкин). Благодаря этому свойству книга не только передает смысл, но и позволяет истолковывать его. Двуетность процесса чтения как коммуникации автора с читателем и автокоммуникации, как актов сообщения и мышления возводит книгу в число основных агентов самовоспроизводства культуры.

Особенность нашего времени Х.-Г. Ортега видит в том, что заурядные души, не обманываясь на счет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду. К сожалению, книга сегодня оказалась вовлеченной в орбиту пассивного досуга, преследующего только получение удовольствия. Прежние институты книжной культуры – библиотеки, школа, вуз, литературная критика – не только утратили символическое значение и авторитет, но и роль в структурировании процессов массового чтения, представлении и распространении влиятельных образцов (ДубинЗор с. 71). Единственной мерой вещей для читателя становится он сам. Если книга ему понравилась («вставила», «приколола»), значит это хорошая книга. Если нет – значит книга плохая. Более того, у книги, будто у недорогой девочки по вызову, есть буквально 15-20 минут, чтобы начать доставлять удовольствие. Первые несколько страниц определяют все. (23).

Американский библиотековед Дж.-Х. Шира писал, что недостойные книги имеют губительные последствия для общественного вкуса. Если бы общество точно могло установить, какое действие чтение оказывает на поведение людей, оно с гораздо меньшей терпимостью относилось бы к тем произведениям, которые противоречат представлениям об истине (С.83).

Обожествление мощи науки, ее быстрое развитие создает крайне опасные, по мнению Г. Померанца, перекосы. Именно темпы развития сообщают нашей цивилизации неравновесное состояние. Г. Померанц

называет прогресс всего лишь дифференциацией. Чем больше дифференцировано общество, тем необходимее восстановление его целостности. А.д Сент-Экзюпери использовал для обозначения этого процесса метафору «божественный узел», наука использует понятие – социальный интегратор. Книга – это самое надежное передаточное звено. Известный российский литератор В. Пьецух говорит об этом так: «Скажем, дед мог быть конституционным монархистом и бесребреником, отец – марксистом, скупердьяем и несдержанным на слова, сын – либералом и бездельником, но всех троих неизбежно объединяет возвышенная мысль и благородное побуждение единственно по той причине, что они в детстве прочли «остров сокровищ», а в молодые годы «Войну и мир» (С.127)

Ценность литературы как вида искусства и книги как ее воплощения отчетливо прослеживается в содержании лекций нобелевских лауреатов по литературе. Главное здесь - возможность принять человеком бесценный груз чужого опыта. Книга воссоздает опыт, пережитый другими, дает возможность усвоить его как собственный. Тяготы, краски, соки чужого опыта восполняют человеку его куцее земное время. В счастливом случае этот опыт оберегает целую нацию от избыточного, или ошибочного или даже губительного пути, сокращая тем извилины человеческой истории (А.И. Солженицын).

Опыт человечества, отраженный в литературе, в отличие, скажем, от опыта исторического, имеет неоспоримые преимущества. Литература переносит сгущенный опыт: от поколения к поколению. Так она становится живою памятью нации. Так она теплит в себе и хранит ее утраченную историю – в виде, не поддающемся искажению и оболганию (А.И. Солженицын).

Убедительность опыта, почерпнутого из книги, из литературы основывается, по мнению И.А. Бродского, на генеалогии художественного произведения. Искусство и литература всегда бежит тавтологии и повторения. Искусство есть орудие безоткатное, развитие его определяется

не индивидуальностью художника, но динамикой и логикой самого материала, предыдущей судьбой средств, требующих найти всякий раз качественно новое эстетическое решение. Обладающее собственной динамикой, логикой и будущим, искусство не синонимично, но параллельно истории. Поэтому, оно часто оказывается «впереди прогресса».

А.И. Солженицын также применительно к литературному произведению употребляет именно это слово «убедительность». Убедительность истинно-художественного произведения неопровержима и подчиняет себе даже противящееся сердце. Политическую речь, публицистику и т.д. можно по видимости построить гладко, стройно и на ошибке, и на лжи.

Произведение художественное свою проверку несет в себе само: концепции придуманные, натянутые не выдерживают испытания на образах: разваливаются и те, и другие. Произведения же, зачерпнувшие истины и представившие нам ее сгущенно-живой, захватывают нас, приобщают к себе властно – и никто, никогда, даже через века, не явится их опровергать.

«Добротно написанная книга живет долго», - утверждал другой нобелевский лауреат М.А. Шолохов. Справедливость этого высказывания подтверждают судьбы его произведений. Написанные в определенную эпоху, лицом, придерживавшимся четких политических взглядов, они получили мировое признание. Правда художника пересилила правду человека, живущего в конкретное время. Пророчески М.А. Шолохов писал, что книга предрасполагает к глубокому познанию окружающей нас огромной жизни, а не к попыткам представить свое маленькое «я» центром мироздания. Сказанные в 60-е гг. XX века, эти слова писателя были направлены против идеологического противника, однако время придало им всеобъемлющий смысл.

Создавая истинно художественное произведение, познавая окружающий мир, выстраивая новое эстетико-этическое решение, писатель вооружает опытом не только читателя. Он первым постигает ценность этого

опыта. Например, во время поездки деятелей искусства на фронт обнаружилась необычайная популярность Б.Л. Пастернака. Его суждения о войне, о человеке на войне, о жизни и смерти были так интересны и точны, что боевые генералы обращались в первую очередь к нему. Хотя Борис Леонидович не был ни фронтовым корреспондентом, ни военным журналистом и вдоволь натерпелся от критики за то, что в годы Великой Отечественной переводил в тылу Шекспира.

Обращенность художественного произведения к человеку делает его не только вневременным, но и вненациональным. А.И. Солженицын называл мировую литературу единым большим сердцем, колотящимся о заботах и бедах нашего мира. Художественная литература – отзывчивейший инструмент человеческого существа. Благодаря этому книга обязательно находит своего читателя, причем впервые не обязательно на родине писателя. Примеры тому – премии И.А. Бунину, Б.Л. Пастернаку, А.И. Солженицыну.

Будучи активным и действенным инструментом формирования человека, какие цели и задачи ставит литература? Каждый писатель (поэт) по-своему, но очень созвучно формулирует сверхзадачу литературы.

Литература, убежден А.И. Солженицын, создает человечеству единую систему отсчета – для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, что тяжело и невыносимо, а что только по близости натирает нам кожу – и направляет гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе.

И.А. Бродский считает, что литература учит частности человеческого существования. Насущным хлебом литературы является человеческое разнообразие и безобразие, поэтому литература оказывается надежным противовесом от попыток тотального, массового подхода к решению проблем человеческого существования.

Книга является непревзойденным собеседником. Роман или стихотворение – не монолог, но разговор писателя с читателем. В момент этого разговора писатель равен читателю и наоборот. Равенство это – равенство сознания, и оно остается с человеком на всю жизнь и рано или

поздно определяет поведение индивидуума. Безусловно, общение с великими формирует и оттачивает эстетический вкус читателя, который И.А. Бродский считал основой нравственного выбора и свободы человека.

Существование литературы подразумевает сосуществование на уровне литературы. Конечно же, нобелевские лауреаты не могли не задумываться о судьбе языка как ее основы. Литература – выразитель национального языка – главная скрепа нации (А.И. Солженицын). Несмотря на то, что язык и литература – вещи более древние, неизбежные и долговечные, нежели любая форма общественной организации (И.А. Бродский), нынешний век обнаруживает им серьезные вызовы. Без литературы и языка нация усыхает, имеется в виду определенный их уровень. Запад столкнулся с этой проблемой раньше России. «Одна картинка стоит тысячи слов», - говорят одни американцы. «Да, если эти слова написаны на basic english»? – вторят другие. Вздорным, считал И.А. Бродский, утверждение, что писатель должен пользоваться в своих произведениях языком улиц, язык толпы. Только если мы решили, что «сапиенсу» пора остановиться в своем развитии, следует литературе говорить на языке народа. В противном случае народу следует говорить на языке литературы.

Книга способна играть роль социального интегратора даже будучи объектом «нечтения». Опрос, проведенной газетой «Гардиан» (подобные опросы регулярно проводят британские СМИ) под названием «Наши постыдные секреты: книги, о которых мы только говорим, что читали», был приурочен к Всемирному дню книги. В нем опубликованы следующие данные: 42% респондентов признались, что вралы, утверждая, что читали «1984», 31% - «Войну и мир», 25% - «Улисса», 24% - Библию (С.123).

Портативный книжный набор для вранья является социальным интегратором хотя бы потому, что и не читая, все и так знают, о чем это. В России нечто подобное произошло с Пушкиным и Грибоедовым, что подтверждается нашим исследованием [монография кафедр.].

О том, что рано сдавать книгу на «свалку истории», свидетельствует принятая в 2006 году Правительством РФ «Национальная программа поддержки и развития чтения на период с 2007 по 2020 г.г.», во введении которой и ставится диагноз: «Современная ситуация [в России]... характеризуется как системный кризис читательской культуры, когда страна подошла к *критическому пределу пренебрежения чтением*» [Нац. Progr. Чт.]. Возможно ли систематическое чтение, формирующее культурную компетентность через электронные средства? Способны ли масс-медиа стать социальным интегратором в обществе информационных технологий, в условиях, когда книжная индустрия и библиотеки превращены в «банк рефератов» или развлекательного собрания потрепанных изданий? По силам ли фрагментарному электронному чтению сформировать личность, обладающую иммунитетом к массовой культуре? Мы считаем, что исследования функционального чтения - PISA («Международной программы по оценке образовательных достижений учащихся» в области естественнонаучных знаний, математики и чтения, осуществляемой каждые три года Организацией экономического сотрудничества и развития) позволяют сделать вывод о том, что электронные технологии, на сегодняшний день, не способны обеспечить должный уровень читательской компетенции. И вероятно пора разделить две социальные функции печатных и электронных источников информации. Первая - доступ к информации, который в силу совершенства технологии удобнее осуществлять через ИНТЕРНЕТ. И, вторая – формирование культурной компетенции, которую можно реализовать, по нашему глубокому убеждению, только через чтение книг и, как говорил А.Покровский еще сто лет назад, через «активную культурную роль библиотек». Правительственная опека, протекционизм, финансовые вложения, активная RR- деятельность, использование маркетинговых технологий в развитие библиотек, издательскую деятельность, сотрудничество с писателями, изменение подходов к чтению в системе образования в, таких странах как Великобритания, Норвегии, США,

Швеции, Финляндии, Франции, ФРГ, и др. позволили преодолеть кризис чтения – как кризис культуры. К сожалению, мы не можем на данном этапе разделить энтузиазм М.Маклюэна относительно новой электронной эры. Возможно, способность культуры к возрождению преодолет критическую ситуацию, возможно, грядут изменения всего жизненного уклада и «матрица» из одноименного фильма не слишком большая утопия, но нам книжным людям важно действовать в сложившейся ситуации сообразно нашим литературным ценностям.

Литература:

Власов, В.Г. Кич // Большой энциклопедический словарь изобразительного искусства / В.Г. Власов. В 8 т. Т. 3.- СПб.: ЛИТА, 2000.- 848 с.- С. 653.

Дубин, Б.В., Зоркая Н.А. Чтение и общество в России /Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая // Социс.-2009.-№7.-С.61-77.

Еманова Ю.Г., Яо М.К. Актуализация библиотечного влияния на молодежь в условиях снижения читательской активности (по результатам исследования чтения молодежи г.Казани 2005 – 2007 гг.)// Публичная библиотека как институт социальной интеграции населения региона// Публичная библиотека как институт социальной интеграции населения региона: коллектив. моногр./ А.Р.Абдулхакова [и др.]; Казан. гос. ун-т культуры и искусств.- Казань: изд-во Казан. гос. ун-та культуры и искусств, 2011.- 202 с. – С.91-107.

Кобрин, К. Литературные раскопки /К. Кобрин // Октябрь.-2010.-№ 4.- С.118-127.

Ланкин В.Г., Григорьева О.А. Книга как информационно-технологическая основа культуры /В.Г. Ланкин, О.А. Григорьева // Социс.-2009.-№7.-С.78-84.

Леонов, В.П. Связь печатной и электронной книги: раздумья, предложения /В.П. Леонов // Мир библиографии.-2009.-№2.-С.2-5.

Маклюэн, М. Галактика Гуттенберга: Становление человека печатающего/М. Маклюэн; перевод И.Ю.Тюриной.- М.: Академический проект: Фонд «Мир», 2005.- 496 с. – («Концепции»)

Материалы панельной дискуссии «Информационное общество: гуманитарные аспекты модернизации»: V Форум творческой и научной интеллигенции государств – участников СНГ «Инновационное и гуманитарное партнерство – основа динамичного развития стран СНГ»Ю Москва, 14-15 октября 2010г. // Информационное общество.-2011.-№1.-С.11-38.

Мировое искусство. Иллюстрированная энциклопедия: Направления и течения от импрессионизма до наших дней / Сост. И.Г. Мосин.- СПб: ООО «СЗКО «Кристалл»,2006. – 192 с., ил.

Национальная программа поддержки и развития чтения / отв. за вып. Е. Тихонова. – М.: Журнал "Библиотека", 2007 . – 43 с. – В надзаг.: Федерал. агентство по печати и массовым коммуникациям. Российский Книжный союз.

Пьецух, В. Пособие по воспитанию хорошего человека/ В.Пьецух // Октябрь.-2007.-№ 4.-С.120-133.

Славникова, О. Мера вещей / О. Славникова // Моск. новости.-2006.-№ 35.-15 сентября

Шира Дж. Х. Введение в библиотековедение: Основные элементы библиотечного обслуживания /Пер с англ. В.В. Скворцова, Э.Г. Азгальдова.- М.: Высш. шк.,1983.-256с.

Яковлева, Е. Укрощение принципов: философ Григорий Померанц о том, как русская литература замещала церковь [Электронный ресурс] / Е. Яковлева // Рос. газета.-2005.-5.09 № 3865.-режим доступа:<http://www.pg.ru/2005/09/05/pomeranc.html>.

Яо, М.К. Искусство, массовая культура, кич – индикаторы духовного развития общества /М.К. Яо // Здоровье как социальный феномен: материалы

Всерос. науч.-практич.эл. конф., Казань 1 сентября – 1 декабря 2010 г. /
Казан. гос. ун-т культуры и искусств; науч. ред.: П.П. Терехов, Л.Е. Савич.